

Анна Геннадиевна ШИПИКОВА

Московский городской суд

Богородский вал, 8, Москва, 107076, Российская Федерация

Shipikova-@mail.ru

ORCID 0009-0007-4065-5158

НАСЛЕДОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ. Настоящая статья посвящена анализу актуальной проблемы защиты прав человека при наследовании цифровых объектов, не имеющих экономической ценности или с неопределенной экономической ценностью, и связанных с частной жизнью наследодателя. К подобным объектам относятся учетные записи на интернет-платформах, электронная переписка, личные фотографии и иные формы цифрового самовыражения, составляющие неотъемлемую часть частной жизни современного человека (далее – цифровые объекты личного характера)¹. После смерти лица возникает комплекс вопросов в сфере наследственного права, защиты персональных данных и охраны личных неимущественных прав. Целью исследования является выявление правовых пробелов

и противоречий в области наследования цифровых объектов, сравнительный анализ формирующихся подходов к их преодолению в праве Европейского союза (далее – ЕС) и в национальном праве зарубежных государств, а также оценка перспектив развития законодательства Российской Федерации (далее – РФ) в этой области с учетом особенностей отечественной правовой системы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Теоретическую основу исследования составляют научные работы отечественных и зарубежных юристов, включая специалистов по праву ЕС и национальному праву зарубежных государств и России. Методология исследования включает методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также сравнительно-правовой и формально-

¹ В настоящей статье выражение «цифровые объекты личного характера» используется в рабочем значении и обозначает совокупность цифровых данных, информации и содержания учетных записей, относящихся к сфере частной жизни наследодателя и как правило не предназначенных для извлечения имущественной выгоды.

юридический методы. Эмпирическую базу исследования составляют правовые акты ЕС, нормы национального права зарубежных государств и РФ, пользовательские соглашения интернет-платформ, судебная практика.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Анализ показал, что в настоящее время отсутствует унифицированный подход к регулированию наследования цифровых объектов личного характера. Право ЕС обеспечивает защиту цифровых данных живых лиц, однако в отношении данных умерших наднациональный режим защиты данных не установлен, и регулирование возможно на национальном уровне [De Miguel Beriain, Duarte Sánchez, Castillo Parrilla 2021:788]. Государства – члены ЕС демонстрируют разнообразие подходов к исследуемой теме: от включения имущественных прав и обязанностей из пользовательских соглашений² с интернет-платформами в состав наследства до закрепления прижизненных распоряжений о судьбе цифровых данных и предоставления наследникам (или иным уполномоченным лицам) полномочий по осуществлению отдельных прав в отношении персональных данных умершего на основании национального законодательства. Правовое регулирование в Соединенных Штатах Америки (далее – США) предусматривает процедурную иерархию, ставящую во главу угла волю наследодателя. В законодательстве РФ отсутствует прямое регулирование и неразвита правоприменительная практика в данной области. Положение усугубляется тем, что императивные предписания наследственного права, определяющие состав наследства, не дают однозначного ответа на вопрос о включении в него отдельных видов цифровых объектов, вследствие чего интернет-платформы нередко ограничивают доступ наследников, ссылаясь на условия пользовательских соглашений. Вместе с тем национальное законодательство закрепляет некоторые правовые механизмы защиты, которые можно распространить и на цифровые объекты.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Цифровизация требует адаптации наследственного права.

Для эффективного правового регулирования наследования цифровых объектов личного характера, в России необходимо последовательно развивать имеющиеся правовые механизмы. В качестве приоритетных направлений совершенствования законодательства предлагается, во-первых, законодательное закрепление возможности совершения гражданином прижизненного цифрового распоряжения, определяющего судьбу его учетных записей и персональных данных, что можно реализовать через изменения в Федеральном законе РФ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Во-вторых, требуется расширение полномочий исполнителя завещания (душеприказчика) и предоставление ему законного права на взаимодействие с интернет-платформами для исполнения воли умершего или охраны его цифрового наследия³. В-третьих, необходима разработка такого правового механизма, который будет учитывать законные интересы всех заинтересованных лиц. Только комплексный подход, учитывающий как автономию воли наследодателя, так и необходимость процедурных гарантий для всех участников цифровых отношений, позволит преодолеть правовую неопределенность и обеспечить эффективную защиту прав человека в условиях цифровизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровое наследие, цифровой объект, цифровой актив, цифровой объект наследования, наследственное право, посмертная конфиденциальность, персональные данные, учетная запись, аккаунт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шипикова А.Г. 2026. Наследование отдельных цифровых объектов в национальном законодательстве России и праве Европейского союза: теоретические и практические вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 165–177. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-165-177>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

² Под «пользовательским соглашением» в настоящей статье понимается гражданско-правовой договор между лицом интернет-платформой, определяющий условия предоставления доступа к функционалу сервиса, порядок обработки персональных данных, режим использования размещенной информации, а также права и обязанности сторон.

³ Под «цифровым наследием» в настоящей статье понимается та часть наследственной массы, которая находится в цифровой среде.

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-165-177>

Research article

UDC: 341

Received: 11 January 2026

Approved: 12 March 2026

Anna G. SHIPIKOVA

Moscow City Court

8, Bogorodsky Val, Moscow, Russian Federation, 107076

Shipikova-@mail.ru

ORCID 0009-0007-4065-5158

INHERITANCE OF INDIVIDUAL DIGITAL OBJECTS IN RUSSIAN NATIONAL LEGISLATION AND EUROPEAN UNION LAW: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

INTRODUCTION. *This article examines a pressing issue of human-rights protection arising in the inheritance of digital objects that have no economic value or have an indeterminate economic value and are closely linked with the decedent's private life (hereinafter "digital objects of a personal nature"). Such objects include accounts on online platforms, electronic correspondence, personal photographs, and other forms of digital self-expression that constitute an integral part of a modern individual's private life. Upon a person's death, a complex set of questions arises in the field of succession law, personal data protection, and the safeguarding of non-pecuniary personal rights. The purpose of the study is to identify legal gaps and inconsistencies in this area, to conduct a comparative analysis of emerging approaches to addressing them within EU law and in the national law of foreign states, and to assess the prospects for developing relevant regulation in the Russian Federation, taking into account the specific features of the domestic legal system.*

MATERIALS AND METHODS. *The theoretical foundation of the study is based on scholarly works by domestic and foreign legal scholars, including experts in EU law, the national law of foreign states, and Russian law. The research methodology includes the methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as the comparative legal method and the formal legal method. The empirical basis of the*

study comprises EU legal acts, the norms of the national law of foreign states and the Russian Federation, user agreements, and case law.

RESULTS. *The analysis shows that there is currently no unified approach to regulating the inheritance of digital objects of a personal nature. EU law protects the digital data of living persons; however, with respect to the data of deceased persons, no supranational data-protection regime has been established, and regulation is possible at the national level. EU Member States demonstrate a variety of approaches, ranging from including proprietary rights and obligations arising from user agreements with online platforms in the estate to recognizing lifetime dispositions concerning the fate of digital data and granting heirs (or other authorized persons) powers to exercise certain rights with respect to the deceased person's personal data under national legislation. Legal regulation in the United States of America provides a procedural hierarchy that places the decedent's intent at the forefront. In Russia, there is no direct regulation and judicial practice in this area remains underdeveloped. The situation is further aggravated by the fact that mandatory rules of succession law defining the composition of the estate do not provide an unambiguous answer as to whether certain types of digital objects form part of the estate; as a result, online platforms often restrict heirs' access, referring to the terms of their user agreements. At the same time, domestic legisla-*

tion provides certain legal protection mechanisms that can be applied to digital objects as well.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. Digitalization requires the adaptation of traditional succession-law constructs. To effectively regulate the inheritance of digital objects of a personal nature, Russia needs to develop existing legal mechanisms in a consistent manner. The priority directions for legislative improvement proposed are: first, to legally recognize the possibility for an individual to make a lifetime digital directive determining the fate of their accounts and personal data, which could be implemented through amendments to the Federal Law "On Personal Data" (July 27, 2006 No. 152-FZ); second, to expand the powers of the executor of the will, granting them a statutory right to interact with online platforms in order to carry out the decedent's intent or protect their digital legacy; and third, to develop a mechanism that takes into account the legitimate interests of all stake-

holders. Only a comprehensive approach that considers both the autonomy of the decedent's will and the need for procedural safeguards for all participants in digital relations can overcome legal uncertainty and ensure effective human rights protection in the digital age.

KEYWORDS: digital legacy, digital object, digital asset, digital object of inheritance, succession law, post-mortem privacy, personal data, account

FOR CITATION: Shipikova A.G. Inheritance of Individual Digital Objects in Russian National Legislation and European Union Law: Theoretical and Practical Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2026. No. 1. P. 165–177. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-165-177>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Особенности используемой терминологии

Настоящее исследование целесообразно начать с уточнения используемой терминологии. В современной юридической доктрине отсутствует единообразный подход к определению ключевых понятий, а именно, «цифровой объект» и «цифровой актив». Такая концептуальная разрозненность формирует терминологическую неопределенность и способствует взаимозаменяемому употреблению категорий, что затрудняет корректный анализ наследственно-правовых последствий оборота цифровых объектов. Сложность терминологической проблемы проистекает из двойственной природы многих цифровых объектов, которые одновременно могут воплощать в себе как имущественные ценности, так и нематериальные проявления личности.

В рамках этой статьи автор придерживается подхода, согласно которому цифровой объект понимается как родовое, собирательное понятие. Это понятие шире, чем категория «цифровой актив», и включает в себя не только элементы, обладающие экономической полезностью (имущественные права), но и блага, ценность которых носит сугубо личный характер

(неимущественные права). К последним относятся цифровые объекты, составляющие основу цифровой идентичности и частной жизни личности: личная переписка, фотографии, учетные записи в социальных сетях и т.д.

Цифровые активы рассматриваются как цифровые объекты, предназначенные для участия в обороте с целью извлечения прибыли или удовлетворения иных имущественных интересов. Классическими примерами являются криптовалюты, токенизированные финансовые инструменты, электронные денежные средства, а также учетные записи на платных интернет-платформах и т.д.

Важно отметить, что цифровая среда порождает также множество гибридных форм, которые с трудом поддаются однозначной классификации. Так, учетная запись популярного видеоблогера одновременно является носителем личного творческого самовыражения и источником стабильного дохода от рекламы и подписок [Ахматулина 2022:133-136]. Подобные пограничные ситуации требуют особого внимания при формировании правового режима, поскольку предполагают необходимость балансирования между имущественными интересами наследников и обеспечением посмертной охраны нематериальных благ наследодателя, включая защиту его

репутации и неприкосновенности частной жизни (далее – посмертная конфиденциальность)⁴.

Вопросы наследования цифровых объектов личного характера в значительной мере не урегулированы. По этой причине определение правовой природы таких цифровых объектов, их правового режима, подходов к наследованию становятся темой научных дискуссий, различных правовых инициатив, судебных разбирательств и т.д. [Harbinja, McVey, Edwards 2024:20-25; Haneman 2025:1612; Суворов 2022:114-117].

2. Доктринальные подходы к наследованию цифровых объектов и посмертной конфиденциальности

В условиях стремительного распространения цифровых объектов личного характера, а также интенсивного обмена персональной информацией на интернет-платформах, все отчетливее осознается необходимость в формировании правовых механизмов защиты конфиденциальности лица, в том числе после его смерти [Harbinja 2017:26-27]. Правовая судьба цифровых объектов личного характера стала предметом активной научной дискуссии, в рамках которой сформировались различные доктринальные подходы к поиску баланса между правом наследников на доступ к информации и материалам, связанным с личностью наследодателя и необходимостью посмертной охраны его частной жизни.

На этом фоне дискуссия о посмертной конфиденциальности цифровых следов концептуально сближается с развивающейся доктриной «нейроправ» или права на психическую целостность личности как ответ на возможность извлечения из данных сведений о частной жизни и внутреннем состоянии индивида. Эти подходы позволяют точнее обосновать повышенный режим охраны отдельных категорий цифровых объектов личного характера [Торкунова 2025:43-44; Алиев 2025:96-97].

Некоторые специалисты в своих исследованиях делают попытку обосновать необходимость охраны неприкосновенности частной жизни после смерти. Концепция опирается на уважение достоинства и автономии личности

и может реализовываться через договорные отношения между пользователями и интернет-платформами, нормы о правах человека, а также через расширительное толкование законодательства о персональных данных [Edwards, Harbinja 2013:113-118]. Данные специалисты также отмечают различие между англо-саксонской правовой системой, которой исторически характерен скептицизм в отношении признания прав за умершим, поскольку со смертью физического лица прекращается и субъект права, и романо-германской системой, склонной их защищать из уважения к достоинству усопшего [Edwards, Harbinja 2013:120-123].

Другие ученые отмечают, что основное препятствие для признания посмертной конфиденциальности заключается в исчезновении субъекта права после смерти человека и, как следствие, прекращении его личных интересов, включая право на частную жизнь. Вместе с тем они обращают внимание на то, что цифровой образ личности, существующий как при жизни, так и после смерти, формируется из потоков информации. Этот факт может стать основанием для признания за посмертными цифровыми образами особого правового режима охраны, вытекающего из человеческого достоинства, в том числе для обеспечения неприкосновенности частной жизни лица после его смерти. По их мнению, развитие новых технологий позволяет рассматривать посмертную цифровую учетную запись в качестве неактивного квазисубъекта, что обосновывает сохранение охраны неприкосновенности частной жизни, основанной на достоинстве личности [Buitelaar 2017:139-141].

Сходный подход развивают и эксперты, предлагающие рассматривать персональные данные умершего в качестве особого квазиимущества. По их мнению, при отсутствии явного прижизненного распоряжения наследники могут приобретать полномочия по управлению и распоряжению этими данными (по аналогии с правомочиями собственника), что позволило бы им косвенно обеспечивать охрану посмертной конфиденциальности, выступая в роли своеобразных хранителей интересов покойного [Malgieri 2018:5-6, 20].

⁴ «Посмертная конфиденциальность» используется как условное обозначение совокупности правовых механизмов, направленных на охрану нематериальных благ умершего лица (репутации, неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, тайны переписки) и регулирование доступа третьих лиц к соответствующим сведениям после открытия наследства. Термин не имеет нормативного закрепления и применяется в аналитических целях

Н.М. Банта придерживается позиции, согласно которой в отсутствие явных распоряжений лица относительно своих цифровых объектов закон должен предоставлять право решать их судьбу близким родственникам или назначенным исполнителям завещания (душеприказчикам). Исследователь исходит из того, что подобная презумпция является справедливой, поскольку именно близкие, знавшие умершего при жизни, его характер и систему ценностей, находятся в наилучшем положении, чтобы понять его подлинные, хотя и невыраженные, намерения. Они способны принять взвешенное решение о том, что соответствовало бы воле умершего, будь то сохранение цифрового архива для памяти потомков, передача активов или, напротив, удаление личной информации в целях обеспечения неприкосновенности частной жизни. Этот подход, по мнению автора, ставит во главу угла уважение к предполагаемой воле умершего и интересы его семьи, а не корпоративные правила интернет-платформ, которые по умолчанию зачастую ведут к безвозвратной утрате цифрового наследия [Banta 2014:848-849, 853].

И. Маспес предлагает разграничивать учетную запись и ее содержание. Учетная запись в исследовании рассматривается как технический «ключ доступа», в то время как цифровые объекты внутри нее (файлы, переписка, публикации и т.д.) обладают самостоятельной правовой природой, варьирующейся от сугубо личных нематериальных благ до полноценных активов с экономической ценностью. Из этого разграничения следует, что требование наследников о «передаче учетной записи» неверно по существу, так как подменяет предмет наследования. В действительности предметом их интереса служит не этот технический ключ, а возможность получения личных данных умершего (доступ к цифровому наследию) либо осуществление прав в отношении определенного «цифрового контента» [Maspes 2022:412-413].

Иной подход к механизму доступа наследников предлагает Р. Каммингс. Она занимает строгую позицию, выступая против автоматического перехода прав доступа. По ее мнению, наследники могут получить доступ к цифровым объектам личного характера исключительно на основе прямо и недвусмысленно выраженного при жизни согласия наследодателя. В отсутствие такого согласия интернет-платформы должны обеспечить удаление соответствующих данных, не допуская их перехода к третьим лицам [Cumplings 2014:442-444].

При анализе правовой природы цифровых объектов личного характера необходимо учитывать комплекс норм, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных и охрану интеллектуальной собственности. В совокупности эти нормы формируют специфический правовой статус данных объектов.

Дискуссия о механизмах охраны посмертной конфиденциальности закономерно перерастает в вопрос о пределах применимости и необходимости адаптации классических правовых механизмов защиты к цифровой среде. В более широком контексте правовое регулирование наследования сталкивается с фундаментальными вызовами. Появлением новых цифровых объектов, которые требуют правовой квалификации, и необходимостью определения условий их вовлечения в гражданский оборот, что влечет за собой переосмысление традиционных наследственно-правовых институтов [Василевская, Подузова, Тасалов 2021:10-11].

Таким образом, современная доктрина предлагает широкий спектр решений: от жесткого отрицания каких-либо прав наследников на цифровые объекты личного характера до попыток найти компромисс через использование правовых фикций (квасисубъекта, квазиимущества). Эти теоретические конструкции призваны обеспечить охрану цифрового наследия личности в условиях отсутствия самого субъекта права и формируют необходимый фундамент для последующего анализа конкретных нормативно-правовых решений, выработанных на уровне интеграционных объединений и национального законодательства различных государств.

3. Сравнительно-правовой анализ регулирования наследования цифровых объектов личного характера: опыт ЕС и зарубежных государств

В контексте международного и наднационального регулирования особый интерес представляет правовое регулирование в ЕС, обладающем развитой правовой системой. В ЕС отсутствует единый режим наследования цифровых объектов личного характера, правовое регулирование данной сферы фрагментарно и зависит от национальных правопорядков и условий пользовательских соглашений интернет-платформ. Это осложняет правоприменение, особенно в трансграничных делах, и снижает предсказуемость

защиты интересов наследников и посмертной конфиденциальности.

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни и активного формирования обширного массива цифрового контента, создаваемого и используемого физическими лицами, важное значение приобретает аспект прижизненного планирования распоряжения этим контентом на случай смерти. В отсутствие правового регулирования интернет-платформы самостоятельно формируют частно-автономные механизмы прижизненного волеизъявления пользователя. Данные механизмы варьируются от опции полного запрета посмертного доступа до назначения доверенного лица или «цифрового наследника», чьи полномочия активируются после верификации смерти пользователя. Наличие таких инструментов свидетельствует о признании практической значимости проблемы и одновременно подчеркивает, что ее решение пока в значительной степени смещено в сферу договорного регулирования и корпоративных политик.

Между тем в ЕС сложились системные предпосылки для разработки общего подхода именно на наднациональном уровне. Во-первых, технологическая реальность такова, что граждане различных государств – членов ЕС используют одни и те же глобальные интернет-платформы, а значит, и правовые проблемы, с которыми сталкиваются их наследники (доступ к данным, удаление учетной записи, перевод в архивный режим и т.д.), по своей природе носят общий характер. В связи с этим представляется проблематичным, что правовой режим таких ситуаций может произвольно меняться в зависимости от национальной принадлежности наследодателя и применимого права. Во-вторых, на уровне ЕС уже сформирована правовая база в сфере защиты персональных данных, центральным элементом которой выступает Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС⁵ (далее – Общий регламент о защите данных или GDPR). Однако действующее право ЕС ориентировано

на защиту данных физических лиц при жизни и не распространяется на вопросы посмертной конфиденциальности и управления цифровым наследием, оставляя регулирование этих отношений на усмотрение государств – членов ЕС. Совокупность этих факторов указывает на институциональную и практическую целесообразность гармонизации подходов к наследованию цифровых объектов личного характера на уровне ЕС [Conti 2024:9-12].

В связи с этим последовательная гармонизация права ЕС в сфере наследования цифровых объектов личного характера представляется доктринально обоснованной и институционально логичной. Теоретической предпосылкой такого подхода может служить признание того факта, что определенная часть персональных данных и цифровых учетных записей, фактически обладающая свойствами оборотоспособности и представляющая охраняемую нематериальную ценность, способна становиться объектом наследственного правопреемства в функциональном смысле. Речь идет не о придании личной информации свойства обычного товара, свободно обращающегося на рынке, а о закреплении законного интереса правопреемников в осуществлении правомерного управления таким наследством, включающего право на доступ, архивацию и принятие решений, на основе предполагаемой воли умершего. Создание единого правового режима в данной области позволило бы дать системный ответ на технологические вызовы и обеспечить преемственность охраны частной жизни и автономии воли личности в цифровой среде и после ее смерти.

Особый интерес представляет анализ национального законодательства отдельных государств, демонстрирующих различные подходы к решению проблем цифрового наследования. Они представляют собой попытку найти баланс между принципом универсальности наследственного правопреемства, автономией воли наследодателя и охраной частных интересов в рамках собственных правовых традиций.

Важным для дискуссии стало решение Федерального суда Германии по делу о наследовании учетной записи в социальной сети. Суд, отойдя

⁵ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). – *OJ L*. 119, 4.5.2016. P. 1-88. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (accessed date: 22.09.2025).

от первоначальной позиции нижестоящих инстанций, квалифицировал договор пользователя с интернет-платформой не как личное обязательство, а как имущественное право, подлежащее наследованию в рамках универсального правопреемства⁶ [Гринь 2022:132]. Данное решение, опирающееся на применение общих положений наследственного права, фактически закрепило возможность перехода прав, связанных с цифровыми учетными записями, к наследникам в порядке универсального правопреемства, одновременно стимулировав аналогичные дискуссии в других государствах [Fuchs 2021:3-5; Fras 2021:70-75; Terletska 2023:47-49].

Более прогрессивный законодательный подход демонстрирует Франция, где принят Закон о цифровой республике (2016)⁷. Этот Закон, имплементирующий положения GDPR, прямо предоставляет физическим лицам право определять судьбу своих персональных данных после смерти. Гражданин может заранее дать общие или конкретные указания относительно хранения, удаления или передачи своих данных доверенному лицу или наследникам. Данные распоряжения регистрируются у третьих лиц или у самих поставщиков услуг, которые обязаны их исполнить. Французская модель, таким образом, вводит в правовое поле институт прижизненных цифровых распоряжений, ставя в центр правового регулирования принцип автономии воли пользователя [Terletska 2023:50-51]⁸.

Итальянское законодательство пошло по иному пути. Посредством Законодательного декрета № 101/2018⁹, Италия использовала предоставленную GDPR возможность для государств - членов ЕС устанавливать собственные правила в отношении данных умерших. Итальянский законодатель

пошел дальше простого признания права на посмертные указания, распространив действие ключевых прав субъекта данных (доступ, исправление, удаление) на наследников и иных заинтересованных лиц, действующих для защиты интересов умершего. Фактически это означает опосредованное распространение права на неприкосновенность частной жизни на посмертный период, поскольку уполномоченные лица получают законные инструменты для управления цифровым наследием и защиты репутации покойного [Maspes 2022:409-411; Vigorito 2021:86-88].

В качестве примера также можно рассмотреть подход, реализованный в США через принятие Пересмотренного единообразного закона о доверительном доступе к цифровым активам 2015 г. (Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act, RUFADAA)¹⁰. Данный закон не делает радикальных доктринальных выводов о природе цифровых объектов, а фокусируется на создании практических процедурных механизмов. Он устанавливает четкую иерархию источников правового регулирования, где прямое волеизъявление пользователя интернет-платформой, выраженное с помощью специальных онлайн-инструментов, обладает наивысшим приоритетом. При его отсутствии применяются условия пользовательского соглашения с интернет-платформой, и лишь в субсидиарном порядке вступают в действие диспозитивные нормы закона, предоставляющие доступ душеприказчику или личному представителю [Conway, Sheena 2017:4-8]. Этот прагматичный подход направлен на минимизацию конфликтов между наследниками и технологическими компаниями путем детального регулирования процесса взаимодействия [Edwards, Harbinja 2013:107-113].

⁶ Bundesgerichtshof. Urteil vom 12. Juli 2018 – III ZR 183/17. Neue Juristische Wochenschrift (NJW). 2018. Heft 46. S. 2517. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Art=pm&Datum=2018-7&Gericht=bgh&anz=19&nr=85390&pos=14> (accessed date: 25.09.2025).

⁷ Loi n 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. – *Journal officiel de la République française*. 8 octobre 2016. Texte n 1. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746> (accessed date: 25.09.2025)

⁸ Commission nationale de l'informatique et des libertés (CNIL). *Données post-mortem: y a-t-il une vie numérique après la mort?* LINC. 3 février 2025. URL: https://linc.cnil.fr/Donnees_post-mortem_y_a-t-il_une_vie_numerique_apres_la_mort (accessed date: 25.09.2025).

⁹ *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana*. 4 settembre 2018. Serie Generale. № 205. Decreto legislativo 10 agosto 2018, n. 101. Disposizioni per l'adeguamento della normativa nazionale alle disposizioni del Regolamento (UE) 2016/679... Codice redazionale: 18G00129. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2018/09/04/18G00129/sg> (accessed date: 25.09.2025)

¹⁰ Uniform Law Commission (ULC; National Conference of Commissioners on Uniform State Laws). *Fiduciary Access to Digital Assets Act. Revised (2015)*. URL: <https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=f7237fc4-74c2-4728-81c6-b39a91ecdf22> (accessed date: 26.12.2025).

4. Законодательство РФ: пробелы и перспективы развития

Правовое регулирование процедуры наследования цифровых объектов личного характера в РФ характеризуется системными пробелами, порождающими правовую неопределенность и сложности в правоприменительной практике [Бордюговская 2023:109-110]. Центральная проблема заключается в попытке подвести новые цифровые реалии под устоявшиеся, но не рассчитанные на них категории гражданского права.

Статья 1112 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ), определяющая наследство как совокупность вещей, иного имущества, имущественных прав и обязанностей, не дает однозначного ответа на вопрос о включении в наследственную массу личных учетных записей, переписки и т.д. Отдельные специалисты предлагают рассматривать учетные записи на интернет-платформах как мультимедийные продукты (ст. 1240 ГК РФ), если они соответствуют признакам данных сложных объектов, либо как интернет-сайты (составные произведения, ст. 1260 ГК РФ) [Гринь 2022:130]. Отсутствие установленных законом определений и официальных разъяснений Верховного Суда РФ порождает доктринальные дискуссии и, что важнее, препятствует выработке единообразных подходов в нотариальной и судебной практике. Более того, Федеральный закон РФ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ¹¹ не содержит положений, касающихся посмертной судьбы данных, что формирует нормативный вакуум в сфере, имеющей принципиальное значение для регулирования цифрового наследия. По мнению Ю.С. Харитоновой, особенности правового режима различных групп цифровых объектов «...могут налагать на наследственный переход определенные требования, а в некоторых случаях вообще делать невозможным применение норм нотариального законодательства по переходу наследства к наследникам» [Харитонова 2024:77].

Правовой вакуум на практике заполняется пользовательскими соглашениями интернет-платформ, которые, как правило, содержат

прямой запрет на передачу прав доступа третьим лицам, включая наследников. В результате возникает фундаментальный правовой конфликт: императивный принцип универсального наследственного правопреемства, закрепленный в ст. 1110 ГК РФ, фактически блокируется диспозитивными условиями пользовательских соглашений интернет-платформ. Наследники оказываются в полной зависимости от внутренней политики интернет-платформ, которые могут по своему усмотрению удалить учетную запись после получения свидетельства о смерти.

При разработке предложений по совершенствованию российского законодательства в сфере наследования цифровых объектов личного характера целесообразно учитывать практики, складывающиеся на внутреннем рынке цифровых услуг. Отдельные российские интернет-платформы уже вырабатывают внутренние регламенты обращения с учетными записями умерших пользователей. Например, социальная сеть «ВКонтакте» предусматривает возможность для родственников после предоставления подтверждающих документов удалить страницу или перевести ее в архивный режим¹². Подобные решения представляют собой важный эмпирический факт, поскольку демонстрируют наличие социального запроса и попытку частного сектора компенсировать отсутствие правового регулирования.

Во-первых, подобные механизмы, устанавливаемые интернет-платформами, носят корпоративный характер и могут быть изменены платформой в любой момент. Во-вторых, они, как правило, не покрывают весь спектр ситуаций, значимых с точки зрения автономии воли, включая возможность назначения конкретного уполномоченного лица и дифференцированного доступа к различным категориям данных. В-третьих, процедуры подтверждения полномочий, зачастую сводящиеся к направлению копий документов в службу поддержки, не обеспечивают уровня гарантий, сопоставимого с нотариальными.

Сложившаяся практика подтверждает актуальность проблемы и одновременно выявляет пределы частно-автономных решений,

¹¹ Об обработке персональных данных : федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июля 2006 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июля 2006 г. (ред. от 28 февраля 2025 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24154>. (дата обращения: 28.09.2025).

¹² «ВКонтакте» начала помечать страницы умерших пользователей. – ТАСС. 2020. 26 нояб. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10103257> (дата обращения: 28.09.2025).

демонстрируя необходимость правового регулирования, основанного на четких гарантиях и предсказуемых механизмах.

5. Перспективы действующих норм российского законодательства: охрана нематериальных благ и институт исполнителя завещания

Таким образом, формирование эффективного правового регулирования процедуры наследования цифровых объектов личного характера в РФ целесообразно строить не на отказе от действующих норм, а на развитии уже существующих институтов гражданского права. Наиболее перспективными в этом отношении являются два взаимодополняющих правовых института. С одной стороны, это нормы о защите нематериальных благ, обеспечивающие охрану частной жизни и иных личных неимущественных интересов. С другой стороны, это институт исполнителя завещания (душеприказчика), который потенциально способен обеспечить правомерное и нейтральное управление цифровым наследием. В совокупности эти элементы позволяют выстроить модель, учитывающую автономию воли наследодателя и снижающую конфликт интересов между наследниками. Одновременно такая модель создает правовые основания для взаимодействия с интернет-платформами в условиях, когда их пользовательские соглашения фактически подменяют собой публично-правовое регулирование.

Правовую основу для охраны цифровых объектов личного характера после смерти их создателя составляют положения главы 8 ГК РФ о нематериальных благах. Содержательное наполнение учетных записей, личная переписка, фотографии и иные цифровые формы самовыражения выступают современными проявлениями неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны и иных охраняемых законом благ (ст. 150 ГК РФ). Существенно, что действующее российское законодательство допускает посмертную охрану отдельных личных неимущественных благ. Так, ст. 152.1 ГК РФ предусматривает, что охрана изображения гражданина может осуществляться и после его смерти по требованию заинтересованных лиц. Эта норма демонстрирует, что охрана достоинства и отдельных личных интересов не исчерпывается моментом смерти и может распространяться на проявления личности в цифровой среде. Следовательно, заинтересованные лица обладают основанием требовать

пресечения действий, нарушающих посмертную частную жизнь наследодателя, включая незаконное распространение его личных материалов, на основе общих способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) и положений о нематериальных благах (ст. 150 ГК РФ). Вместе с тем действующие нормы преимущественно носят охранительный характер и ориентированы на совершенные либо длящиеся нарушения. Специальный правовой механизм управления цифровым наследием, обеспечивающий реализацию прижизненной воли лица о сохранении, удалении или передаче конкретных цифровых объектов, при этом не закреплен.

Для реализации воли наследодателя требуется самостоятельный процедурный механизм, позволяющий инициировать удаление данных, передать архив конкретным адресатам или обеспечить архивирование учетной записи. Здесь ключевым может стать исполнитель завещания (душеприказчик), закрепленный в ст. 1134 ГК РФ. Душеприказчик является нейтральным и беспристрастным участником, чья единственная обязанность заключается в точном исполнении последней воли наследодателя, что снимает потенциальный конфликт интересов между наследниками. Именно институт исполнителя завещания способен выступить законным посредником, обеспечивающим взаимодействие между нормами наследственного права и политикой интернет-платформ. Для реализации этого потенциала необходимо законодательное наделение душеприказчика специальными полномочиями в цифровой сфере: правом на установление факта наличия учетных записей наследодателя, на обращение к интернет-платформам для исполнения конкретных прижизненных распоряжений умершего и на осуществление необходимых действий по управлению цифровым наследием при отсутствии таких распоряжений (по аналогии с охраной обычного наследства), направленных на сохранение памяти и защиту репутации покойного. Подобные изменения, внесенные в ГК РФ и Основы законодательства Российской Федерации о нотариате 1993 г., создадут формальный правовой механизм вместо существующей практики неформальных запросов и зависимости от пользовательских соглашений интернет-платформ.

Таким образом, действующее законодательство РФ содержит в себе необходимые зачатки решения проблемы. Задача законодателя и правоприменителя заключается в том, чтобы

раскрыть этот потенциал в рамках главы 8 ГК РФ и, посредством целенаправленного расширения функций исполнителя завещания, превратить его в активного субъекта управления цифровым наследием.

6. Заключение

Проведенный анализ доктринальных подходов к наследованию цифровых объектов личного характера демонстрирует, что ни одна из существующих концепций не предлагает универсального и практически применимого решения. Модели, абсолютизирующие посмертную автономию воли, на практике могут вести к утрате цифрового наследия. Теоретические конструкции квазисубъекта или квазиимущества, будучи методологически сложными, ограничено пригодны для прямого перенесения в позитивное право, в частности, в российскую правовую систему. Процедурные механизмы, основанные на иерархии источников воли, эффективны для цифровых объектов, но не содержат критериев для соблюдения баланса интересов применительно к конфиденциальным данным.

В связи с этим формирование сбалансированного режима в России должно основываться не на радикальных доктринальных новациях,

а на адаптации и развитии существующих институтов. Центральное место в предлагаемой модели может занять исполнитель завещания (душеприказчик), законодательно наделенный специальными полномочиями по управлению цифровым наследием. Его роль заключается не в автоматическом получении доступа, а в правомерной реализации воли наследодателя, которая может быть установлена как через прямое распоряжение, так и посредством процедурно обеспеченного выявления его наиболее вероятных намерений [Игбаева, Гревцева 2023:29]. Для определенных категорий цифровых объектов личного характера при отсутствии выраженной воли наследодателя целесообразно разработать специальный механизм. Его задачей должно стать достижение баланса между охраной посмертной частной жизни, наиболее вероятной волей умершего, законными интересами наследников и правами третьих лиц, чьи интересы могут оказаться затронутыми (например, право на тайну переписки корреспондентов умершего). Такой подход позволит преодолеть правовую неопределенность, обеспечив уважение к автономии личности, охрану ее посмертных нематериальных интересов и предоставив наследникам предсказуемые правовые инструменты.

Список литературы

1. Алиев Д.М. 2025. Концепция целостности личности и нейрправа: обзор дискуссионных вопросов. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 91-102. URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/2891> (дата обращения: 17.01.2026).
2. Ахмадуллина А.Ф. 2022. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях. – *Lex russica*. Т. 75. № 12. С. 130-144. URL: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/2782/1313> (дата обращения: 04.10.2025).
3. Бордюговская А.А. 2023. Проблемы наследования цифрового имущества. – *Журнал правовых и экономических исследований*. № 3. С. 107-113. URL: <https://giefjournal.ru/node/2095> (дата обращения: 04.10.2025).
4. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. 2021. *Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование)*. Монография. В 5 т. Отв. ред. Л.Ю. Василевская. Т. 1. Москва: Проспект. 367 с.
5. Гринь Е.С. 2022. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт. – *Актуальные проблемы российского права*. Т. 17. № 2. С. 128-134. URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/view/3120> (дата обращения: 04.10.2025).
6. Игбаева Г.Р., Гревцева В.А. 2023. Вопросы цифрового наследования: особенности наследования аккаунта в социальных сетях. – *Правда и закон*. № 1 (23). С. 25-32. URL: <https://skspba.ru/wp-content/uploads/2023/04/1.2023-1.pdf> (дата обращения: 04.10.2025).
7. Суворов Е.Д. 2022. Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом. – *Lex russica*. Т. 75. № 1. С. 109-121. URL: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/2259> (дата обращения: 04.10.2025).
8. Торкунова Е.А. 2025. Право на целостность личности в европейской системе защиты прав человека. – *Международное публичное и частное право*. № 4. С. 39-44. URL: <https://lawinfo.ru/articles/12337/pravona-celostnost-licnosti-evropeiskoi-sisteme-zashhityprav-celoveka> (дата обращения: 17.01.2026).
9. Харитоновна Ю.С. 2024. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства. – *Право. Журнал ВШЭ*. Т. 17. № 2. С. 74-95. URL: <https://law-journal.hse.ru/article/view/21735> (дата обращения: 25.09.2025).
10. Banta N.M. 2014. Inherit the Cloud: The Role of Private Contracts in Distributing or Deleting Digital Assets at Death. – *Fordham Law Review*. Vol. 83. No. 2. P. 799-854. URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol83/iss2/16/> (accessed date: 25.09.2025).
11. Buitelaar J.C. 2017. Post-mortem privacy and informational self-determination. – *Ethics and Information Technology*. Vol. 19. P. 129-142. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-017-9421-9> (accessed date: 25.09.2025).

12. Conti Y. 2024. Electronic Communications of Deceased Users: How European Law Can Help Strike a Balance Between Post-Mortem Access and Privacy. – *SSRN*. URL: <https://ssrn.com/abstract=4934731> (accessed date: 02.10.2025).
13. Conway H., Grattan S. 2017. The 'New' New Property: Dealing with Digital Assets on Death. – *Modern Studies in Property Law*. Eds. by H. Conway, R. Hickey Vol. 9. P. 99-115. *Queen's University Belfast Law Research Paper*. No. 2021-126. URL: <https://ssrn.com/abstract=3289171> (accessed date: 02.10.2025).
14. Cummings R.G. 2014. The Case Against Access to Decedents' E-mail: Password Protection as an Exercise of the Right to Destroy. – *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. Vol. 15. No. 2. P. 897-947. URL: <https://scholarship.law.umn.edu/mjlst/vol15/iss2/5/> (accessed date: 07.10.2025).
15. De Miguel Beriain I., Duarte Sánchez A., Castillo Parrilla J. 2021. What Can We Do with the Data of Deceased People? A Normative Proposal. – *European Review of Private Law*. Vol. 29. No. 5. P. 785–806. URL: <https://d-nb.info/1257421255/34> (accessed date: 28.09.2025).
16. Edwards L., Harbinja E. 2013. Protecting Post-mortem Privacy: Reconsidering the Privacy Interests of the Deceased in a Digital World. – *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*. Vol. 32. No. 1. P. 101-147. URL: https://uhra.herts.ac.uk/id/eprint/4831/1/Edwards.Galleyed_GOOD.pdf (accessed date: 02.10.2025).
17. Fras M. 2021. Succession of Digital Goods. A Comparative Legal Study. – *Review of European and Comparative Law*. Vol. 47. No. 4. P. 67-81. URL: <https://czasopisma.kul.pl/index.php/recl/article/view/12859> (accessed date: 02.10.2025).
18. Fuchs A. 2021. What happens to your social media account when you die? The first German judgments on digital legacy. – *ERA Forum*. Vol. 22. P. 1-7. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12027-021-00652-y> (accessed date: 02.10.2025).
19. Haneman V.J. 2025. The law of digital resurrection. – *Boston College Law Review*. Vol. 66. No. 5. P. 1569-1626. URL: <https://bclawreview.bc.edu/articles/3205/files/68389b44a7eae.pdf> (accessed date: 17.01.2026).
20. Harbinja E. 2017. Post-mortem privacy 2.0: theory, law, and technology. – *International Review of Law, Computers & Technology*. Vol. 31. No. 1. P. 26-42. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13600869.2017.1275116> (accessed date: 07.10.2025).
21. Harbinja E., McVey M., Edwards L. 2024. Post-mortem privacy and digital legacy – a qualitative enquiry. – *SCRIPT-ed: A Journal of Law, Technology and Society*. Vol. 21. No. 1. P. 4-39. URL: https://pureadmin.qub.ac.uk/ws/portalfiles/portal/623167448/2_Post_-_mortem_privacy_and_digital_legacy_-_a_qualitative_enquiry.pdf (accessed date: 25.09.2025).
22. Malgieri G. 2018. R.I.P.: Rest in Privacy or Rest in (Quasi-) Property? Personal Data Protection of Deceased Data Subjects between Theoretical Scenarios and National Solutions. – *Data Protection and Privacy: The Internet of Bodies*. Brussels: Hart Publishing. Eds. by R. Leenes, R. van Brakel, S. Gutwirth, P. de Hert. URL: <https://ssrn.com/abstract=3185249> (accessed date: 07.10.2025).
23. Maspes I. 2022. Digital Inheritance, Right of the Heirs to Access to the Deceased User's Account, Non-Transferability Clauses: An Overview in the Light of Two Judgments Issued by Italian Courts. – *The Italian Law Journal*. Vol. 8. No. 1. P. 407-423. URL: <https://theitalianlawjournal.it/data/uploads/8-italj-1-2022/407-mapas.pdf> (accessed date: 07.10.2025).
24. Terletska M. 2023. Post-mortem privacy and the latest GDPR legislative shifts. – *L'Europe Unie / United Europe*. Vol. 20. P. 44-53. URL: <https://zenodo.org/records/15194540> (accessed date: 04.10.2025).
25. Vigorito A. 2021. Postmortem Exercise of Data Protection Rights: the Apple Case. – *Roma Tre Law Review*. No. 2. P. 83-92. URL: <https://romatrepress.uniroma3.it/wp-content/uploads/2022/03/RTL-2-2021.pdf> (accessed date: 04.10.2025).

References

1. Akhmadullina A.F. Grazhdansko-pravovoe znachenie akauntov v sotsial'nykh setyakh [The civil law meaning of social media accounts]. – *Lex russica*. 2022. T. 75. No. 12. S. 130-144. URL: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/2782/1313> (data obrashcheniya: 04.10.2025).
2. Aliev D.M. Kontseptsiya tselostnosti lichnosti i neioprava: obzor diskussionnykh voprosov [The Concept of The Integrity of the Person and Neurights: A Review of Controversial Issues.]. – *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2025. No. 3. S. 91-102. URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/2891> (data obrashcheniya: 17.01.2026).
3. Banta N.M. Inherit the Cloud: The Role of Private Contracts in Distributing or Deleting Digital Assets at Death. – *Fordham Law Review*. 2014. Vol. 83. No. 2. P. 799-854. URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol83/iss2/16/> (accessed date: 25.09.2025).
4. Bordyugovskaya A.A. Problemy nasledovaniya tsifrovogo imushchestva [Problems of inheritance of digital property]. – *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy [Journal of Legal and Economic Research]*. 2023. No. 3. S. 107-113. URL: <https://giefjournal.ru/node/2095> (data obrashcheniya: 04.10.2025).
5. Buitelaar J.C. Post-mortem privacy and informational self-determination. – *Ethics and Information Technology*. 2017. Vol. 19. P. 129-142. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-017-9421-9> (accessed date: 25.09.2025).
6. Conti Y. Electronic Communications of Deceased Users: How European Law Can Help Strike a Balance Between Post-Mortem Access and Privacy. – *SSRN*. 2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=4934731> (accessed date: 02.10.2025).
7. Conway H., Grattan S. The 'New' New Property: Dealing with Digital Assets on Death. – *Modern Studies in Property Law*. Eds. by H. Conway, R. Hickey Vol. 9. P. 99-115. – *Queen's University Belfast Law Research Paper*. 2017. No. 2021-126. URL: <https://ssrn.com/abstract=3289171> (accessed date: 02.10.2025).
8. Cummings R.G. The Case Against Access to Decedents' E-mail: Password Protection as an Exercise of the Right to Destroy. – *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 897-947. URL: <https://scholarship.law.umn.edu/mjlst/vol15/iss2/5/> (accessed date: 07.10.2025).
9. De Miguel Beriain I., Duarte Sánchez A., Castillo Parrilla J. What Can We Do with the Data of Deceased People? A Normative Proposal. – *European Review of Private*

- Law*. 2021. Vol. 29. No. 5. P. 785-806. URL: <https://d-nb.info/1257421255/34> (accessed date: 28.09.2025).
10. Edwards L., Harbinja E. Protecting Post-mortem Privacy: Reconsidering the Privacy Interests of the Deceased in a Digital World. – *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*. 2013. Vol. 32. No. 1. P. 101-147. URL: https://uhra.herts.ac.uk/id/eprint/4831/1/Edwards.Galleyed_GOOD.pdf (accessed date: 02.10.2025).
 11. Fras M. Succession of Digital Goods. A Comparative Legal Study. – *Review of European and Comparative Law*. 2021. Vol. 47. No. 4. P. 67-81. URL: <https://czasopisma.kul.pl/index.php/recl/article/view/12859> (accessed date: 02.10.2025).
 12. Fuchs A. What happens to your social media account when you die? The first German judgments on digital legacy. – *ERA Forum*. 2021. Vol. 22. P. 1-7. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12027-021-00652-y> (accessed date: 02.10.2025).
 13. Grin' E.S. Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setyakh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Inheritance of social media accounts: Russian and foreign experience]. – *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2022. Vol. T. 17. No. 2. S. 128-134. URL: <https://app.msar.ru/jour/article/view/3120> (data obrashcheniya: 04.10.2025).
 14. Haneman V.J. The law of digital resurrection. – *Boston College Law Review*. 2025. Vol. 66. No. 5. P. 1569-1626. URL: <https://bclawreview.bc.edu/articles/3205/files/68389b44a7eae.pdf> (accessed date: 17.01.2026).
 15. Harbinja E. Post-mortem privacy 2.0: theory, law, and technology. – *International Review of Law, Computers & Technology*. 2017. Vol. 31. No. 1. P. 26-42. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13600869.2017.1275116> (accessed date: 07.10.2025).
 16. Harbinja E., McVey M., Edwards L. Post-mortem privacy and digital legacy – a qualitative enquiry. – *SCRIPTed: A Journal of Law, Technology and Society*. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 4-39. URL: https://pureadmin.qub.ac.uk/ws/portalfiles/portal/623167448/2_Post_-_mortem_privacy_and_digital_legacy_-_a_qualitative_enquiry.pdf (accessed date: 25.09.2025).
 17. Igbaeva G.R., Grevtseva V.A. Voprosy tsifrovogo nasledovaniya: osobennosti nasledovaniya akkaunta v sotsial'nykh setyakh [Issues of digital inheritance: features of account inheritance in social networks]. – *Pravda i zakon [Truth and law]*. 2023. No. 1 (23). S. 25-32. URL: <https://skspba.ru/wp-content/uploads/2023/04/1.2023-1.pdf> (data obrashcheniya: 04.10.2025).
 18. Kharitonova Yu.S. Nasledovanie legalizovannykh tsifrovyykh aktivov: kollizii i vozmozhnye napravleniya sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva [Inheritance of legalized digital assets: conflicts and possible ways to improve Russian legislation]. – *Pravo. Zhurnal VShE [Right. HSE Journal]*. 2024. T. 17. No. 2. S. 74-95. URL: <https://lawjournal.hse.ru/article/view/21735> (data obrashcheniya: 25.09.2025).
 19. Malgieri G. R.I.P.: Rest in Privacy or Rest in (Quasi-) Property? Personal Data Protection of Deceased Data Subjects between Theoretical Scenarios and National Solutions. – *Data Protection and Privacy: The Internet of Bodies. Brussels: Hart Publishing*. Eds. by R. Leenes, R. van Brakel, S. Gutwirth, P. de Hert. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3185249> (accessed date: 07.10.2025).
 20. Maspes I. Digital Inheritance, Right of the Heirs to Access to the Deceased User's Account, Non-Transferability Clauses: An Overview in the Light of Two Judgments Issued by Italian Courts. – *The Italian Law Journal*. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 407-423. URL: <https://theitalianlawjournal.it/data/uploads/8-italj-1-2022/407-mapes.pdf> (accessed date: 07.10.2025).
 21. Suvorov E.D. Primenenie printsipov dogovornogo prava k dogovornym otnosheniyam, oslozhnennym tsifrovym elementom [The application of the principles of contract law to contractual relations complicated by the digital element]. – *Lex russica*. 2022. T. 75. No. 1. S. 109-121. URL: <https://lexrussica.msar.ru/jour/article/view/2259> (data obrashcheniya: 04.10.2025).
 22. Terletska M. Post-mortem privacy and the latest GDPR legislative shifts. – *L'Europe Unie / United Europe*. 2023. Vol. 20. P. 44-53. URL: <https://zenodo.org/records/15194540> (accessed date: 04.10.2025).
 23. Torkunova E.A. Pravo na tselostnost' lichnosti v evropeiskoi sisteme zashchity prav cheloveka [The right to Integrity of the Person in the European human rights protection system]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International Public and Private Law]*. 2025. No. 4. S. 39-44. URL: <https://lawinfo.ru/articles/12337/pravona-celostnost-licnosti-evropeiskoi-sisteme-zashchity-prav-celoveka> (data obrashcheniya: 17.01.2026).
 24. Vasilevskaya L.Yu., Poduzova E.B., Tasalov F.A. *Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii razvitiya (tsivilisticheskoe issledovanie) [Digitalization of civil turnover: problems and development trends (a civilistic study)]*. Monografiya. V 5 t. Otv. red. L.Yu. Vasilevskaya. T. 1. Moscow: Prospekt. 2021. 367 s.
 25. Vigorito A. Postmortem Exercise of Data Protection Rights: the Apple Case. – *Roma Tre Law Review*. 2021. No. 2. P. 83-92. URL: <https://romatrepress.uniroma3.it/wp-content/uploads/2022/03/RTL2-2-2021.pdf> (accessed date: 04.10.2025).

Информация об авторе

Анна Геннадиевна ШИПИКОВА
Судья, Московский городской суд

Богородский вал, 8, Москва, 107076, Российская Федерация

Shipikova@mail.ru
ORCID 0009-0007-4065-5158

About the Author

Anna G. SHIPIKOVA
Judge, Moscow City Court

8, Bogorodsky Val, Moscow, Russian Federation, 107076

Shipikova@mail.ru
ORCID 0009-0007-4065-5158